

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**ЯДОВИТЫЙ
ПОЦЕЛУЙ**

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 54

Оформление — Екатерина Фerez

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием
«Поцелованный богом»

Соболева, Лариса.

С 54 Ядовитый поцелуй: [роман] / Лариса Соболева. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Детектив по новым правилам).

ISBN 978-5-17-087537-5

Маргарите Спасской было семьдесят с хвостиком. Она считала, что испытала достаточно бед и лишений, бояться уже нечего, и спокойно доживала век. Но случилось так, что большую дружную семью ее единственного сына Глеба вырезали, не пощадив даже юных внуков. Неужели призраки прошлого смерчем ворвались в теперешнюю жизнь Маргариты Назаровны? И страшные события — вендетта потомков Василия Шестрюка, с которыми ее род враждовал еще с двадцатых годов? В те смутные времена мать Маргариты — красавица-дворянка — изуродовала красноармейца Василия Шестрюка, участвовавшего в расстреле ее семьи и попытавшегося обесчестить чудом уцелевшую девушку. Впоследствии судьбы злодея и жертвы тесно переплелись, породив новые трагедии. На помощь Маргарите приходит верный друг и сослуживец Глеба — капитан службы безопасности Сергей Лабутин...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087537-5

© Соболева Л.
© ООО «Издательство АСТ»

Наши дни, ноябрь

У нее возникли странные ощущения во время полета: самолет нестерпимо гудит, а кажется, что он стоит на месте, при этом вибрирует все тело. Маргарита Назаровна взглянула на соседей по ряду — им хоть бы хны. И внук прилип к иллюминатору, что он там видит? Она вытянула шею, посмотрела вниз... Высоковато. Странно выглядит земля сверху — внизу одни квадраты. Странно и скучно, будто на ней нет ничего живого, особенного, прекрасного. Еще во время посадки двадцатилетний внук Егор спросил:

— Ба, ты боишься лететь?

— Нет, — ответила Маргарита Назаровна.

И улыбнулась, как улыбаются мудрые люди, видя суетность и нервозность молодых. Она всегда, когда ей задавали риторический вопрос — боится ли она чего-нибудь, отвечала одним словом «нет». И ни у кого не возникало сомнений, что это так и есть, потому что Маргарита Назаровна не бравировала — ей это ни к чему, она не хотела показаться лучше, чем есть, ее «нет» было скромным, но твердым и уверенным. А по идее, человек должен бояться, ну хотя бы потерять родных, если не боится потерять самое дорогое — собственную жизнь. Маргарита Назаровна считала, что потерь было у нее достаточно в свое время, к тому же без них прожить еще никому не удавалось, посему доживала свой век в покое и без страха.

Разумеется, во время полета она не ощущала комфорта, в семьдесят с хвостиком самолеты весьма неудобный вид транспорта. Но несмотря на то, что это быстрый способ передвижения, Маргарита Назаровна терпела неудобства, не доставая внука ворчанием, он сам время от времени интересовался:

— Ты как, ба?

— Нормально, — отвечала она, не открывая глаз.

И дремала, но Егор не оставил ее в покое, толкнул локтем:

— Ба, смотри, смотри!

— Господи, как напугал, — усмехнулась она, подавшись к иллюминатору. — Что ты там увидел?

— Птицы. Журавли летят.

Внизу маленькие точки, составляющие огромный клин, двигались в обратном направлении. Маргарита Назаровна откинулась на спинку кресла, произнеся с нежностью:

— К теплу летят. Как их много... Это хорошо.

Как тут не припомнишь детство? Слыша осенней ночью курлыканье, Маргарита выскакивала на улицу посмотреть, как птицы выглядят, ведь в той местности, где она росла, их редко удавалось встретить. Но ничего не было видно, а курлыканье раздавалось совсем низко, казалось, протяни руку — и заденешь крыло журавля. И вдруг слышала голос мамы:

— Темно, Рита, ты их не увидишь. Журавли приносят счастье, если селятся рядом с домом.

Шла война, а они летели. Потом настал мир, а они все летели. Грубо говоря, счастье пронеслось мимо и очень высоко. Впрочем, никто не сумеет ответить, в чем оно состоит — счастье. Может, в том, что ты живешь...

По проходу между креслами шел седой пожилой мужчина. Где-то Маргарита Назаровна

видела этого человека, но не могла вспомнить где, хотя быстро перерыла в памяти всех, кого знала.

Он шел с трудом, опираясь на трость, делая незначительные остановки и сосредоточившись на дорожке между креслами. Взгляд его блуждал, ни на ком не задерживаясь, мимоходом скользнул и по Маргарите Назаровне, после чего устремился вперед и... вернулся к ней.

Старик остановился, замерли и его глаза с отечными веками, дрогнули морщины, собираясь в один узел на скуластом лице, — он тоже вспоминал.

Первым его узнало сердце Маргариты Назаровны, тревожно екнуло раз-другой, на секунду замерло и застучало часто-часто. В то же самое время черты старика постепенно выправлялись в ее воображении, создавая другое лицо — молодое, дерзкое, непримиримое...

Старик сделал еще несколько неуверенных шагов, словно не он руководил ногами, задержался рядом с Маргаритой Назаровной и, чуть склонившись, всмотрелся в ее лицо с каким-то тупым недоумением. Ей стало не по себе от этого взгляда, пронзающего десятки прожитых лет, заглядывающего в душу, смущающего и тревожащего. Она уже хотела сказать старику грубость, хотя грубить — это не в ее духе, только чтоб он сгинул, как вдруг до нее долетел его шепот. Впрочем, это шептал не он, а прошлое:

— Маргарита...

— Вы ошиблись, — сухо сказала она и прикрыла веки, давая понять, что не намерена с ним разговаривать.

Он прошел мимо, направляясь в хвостовую часть самолета, Маргарита Назаровна тут же открыла глаза и, перегнувшись через подлокотник, посмотрела ему в спину. Он не обернулся. В таких случаях хочется думать, что произошел об-

ман зрения или светотень падала не так, а старческие глаза дописали стертый памятью образ. Маргарита Назаровна слышала внука:

— Он тебя знает?

— Обознался, — скрипнул ее голос.

— Но он же называл тебя по имени, ба.

— Ну и что? Маргарит, дорогой, на свете очень много. Так много, что есть среди них и похожие. Ты в этом еще убедишься. Не мешай, я хочу вздремнуть.

Егор устался в иллюминатор, а она, разволновавшись, ждала, когда старик пойдет назад, чтобы еще раз посмотреть на него.

Прошло минут пять, не слыша его шагов, Маргарита Назаровна почувствовала позвоночником: идет. И правда, он прошествовал мимо, был уже довольно далеко, но вдруг по-молодецки резво оглянулся... Если до этого оба еще сомневались, то теперь окончательно узнали друг друга.

— Не может быть, — пробормотала Маргарита Назаровна, закрывая глаза. — Этого не может быть...

— Ба, что ты сказала? — оживился Егор.

— Просто ворчу себе под нос, — улыбнулась она внуку, положив сморщенную руку на его колено. — Для меня полеты — тяжелое испытание. В голове гудит, уши заложило, всю трясет, а эти падения вниз... сердце останавливается.

— Осталось полчаса, потерпи.

— У меня есть выбор?

— Нет, — рассмеялся Егорушка.

— Я и терплю.

Время пролетело, как летел самолет, впрочем, оно мчится еще быстрее. Но когда мысли пульсируют в висках, когда память безжалостно возвращает тебя в прошлое, которое успешно забылось за дав-

8 ностью лет, его, времени, как раз и не хватает,

чтобы многое понять. А Маргарита Назаровна не понимала, и это ее тревожило.

Из самолета она вышла с пасмурным лицом, что сразу заметил сын:

— Устала, мама?

— От чего? — задала она ему встречный вопрос.

Сообразив, что мать не в духе, Глеб оправдался:

— Вид у тебя уставший и расстроенный. Может, Егорка огорчил?

— Егор — прекрасный мальчик, а тебе бы только ругать его.

— Ладно, не ворчи. Давай квитанции, я получу багаж.

Он убежал вместе с внуком, оставив мать на попечение невестки — красивой и глупой (по мнению Маргариты Назаровны), которая дежурно поинтересовалась:

— Как ваша родня?

— Да что ей сделается? — проямлила свекровь, а глаза искали в толпе...

Не нашли ее глаза того, кого искали. Маргарита Назаровна успокоилась, натянула перчатки на кисти рук, как вдруг сердце выбилось из ритма, почуввав присутствие старика. Она медленно и опасливо повернула голову. Тот же старик остановился неподалеку, сверля ее влажными и темными, как смола, глазами. Его взял под руку мужчина лет тридцати и увлек к выходу из здания аэровокзала. Старик шел медленно, грузно опираясь на трость, и ни разу не оглянулся.

— Кто это? — поинтересовалась невестка Анжела, заметившая старика и взгляд свекрови, направленный на него.

Этой простушке дали удивительно неподходящее имя, оно ей шло, что называется — как корове седло. Маргарита Назаровна сделала вид, будто

не услышала вопроса, но, к сожалению, вернувшийся сын тоже видел старика.

— Мама, что за дед тебя гипнотизировал? — осведомился Глеб, ставя чемоданы у ног и доставая носовой платок.

— Он и в самолете с бабули глаз не сводил, — сказал Егор, посмеиваясь. — Наверное, она понравилась ему.

— Вы знакомы? — не придавая значения словам сына, а просто любопытства ради спросил Глеб.

— Понятия не имею, кто это такой, — пожала плечами Маргарита Назаровна, после чего ушла от темы. — Поехали домой, мы с Егорушкой голодные.

Дома невестка так рвалась услужить, будто свекровь была инвалидкой. Анжела делает все правильно, она прекрасная жена и мать, и Маргарита Назаровна не смогла бы объяснить, почему не любит жену сына. Вот уж действительно загадка природы — наши симпатии и антипатии. Иногда Маргарита Назаровна жалела, что дала согласие на совместное проживание в одном доме, но старость диктует свои условия: даже если душа молода, тело дряхлеет, и силы уходят. Да и Глеб мечтал жить в собственном доме одной семьей, чтобы тесть и мать были на виду. Все же она не рассчитала, что в ее возрасте, привыкнув к одиночеству, будет так трудно привыкнуть к общежитскому распорядку. Видимо, поэтому ее и раздражает невестка, для Маргариты Назаровны она осталась чужеродным звеном.

Автомобиль въехал во двор особняка, к которому было неприменимо слово «скромность» настолько, что, когда простой народ смотрел на дом, у него рождалась одна мысль: на трудовые доходы такое не построишь. Но хозяева были страшно далеки от народа, мнение которого не слышали, да оно их 10 и не интересовало.

Навстречу выскочила русская борзая, залаяла, завиляла хвостом. Марлен Петрович дождался, когда сын откроет дверцу машины, опустил ноги на землю, опираясь на трость, вышел из авто и ласково потрепал собаку по холке:

— Дождалась, да? А кусочек мяса хочешь? Хочешь, хочешь. Ну, идем, Сита, в дом. Я тоже скучал, моя девочка...

Сита подпрыгивала, норовила лизнуть Марлена Петровича в лицо, он отворачивался и посмеивался. Сняв пальто в огромной прихожей, он попросил домработницу растопить камин и принести мяса для Ситы.

— Вы с дороги, может, перекусите? — спросила женщина.

— Чаю выпью, — сказал он.

Вскоре Марлен Петрович сидел в кресле у камина и бросал кусочки сырой говядины Сите, которая ловила их на лету и проглатывала целиком, после чего ждала нового броска. Как она любила хозяина — преданно и беззаветно, так же и он любил ее, понимая, что от людей подобной любви не дождешься.

По лестнице со второго этажа сбежал сын, направился к выходу. Марлен Петрович, не оборачиваясь, глядя на свою собаку, остановил его:

— Ярослав, ты куда?

— У меня дела, — ответил тот, подойдя к отцу.

— Какие дела, позволь тебя спросить, на ночь глядя?

— Встреча. Очень важная.

— Мм-м... — протянул отец.

Его темные глаза, в которых давно не было заметно человеческих страстей, оторвались от любимицы. Марлен Петрович смотрел на сына снизу вверх, изучая его, и вдруг сделал открытие: что-то в нем появилось, чего раньше он не замечал. Повзрослел,

наверное. Дети взрослеют, отцы стареют. Марлен Петрович повернул лицо к огню и сказал:

— Иди.

От Ярослава словно вздыбилась волна протеста, намереваясь смыть отца. Он это почувствовал спиной, как старики чувствуют смену погоды за день до того, как она переменится. Марлен Петрович удивился, ведь у него принципиальных разногласий с Ярославом раньше не было, откуда же взялась эта невидимая волна? Ему даже показалось, что сын собирался поговорить с ним, но не решился. Развернувшись всем корпусом и выглянув из-за спинки кресла, Марлен Петрович хотел спросить сына: у тебя проблемы? Однако Ярослав успел выйти, значит, его проблемы не существенны, раз он не поделился ими с отцом. Марлен Петрович принял прежнюю позу, зашарил пальцами по тарелке, а мяса-то и нет. Сита твякнула, мол, это не я, оно само куда-то исчезло, на что хозяин глухо рассмеялся:

— Ах ты, воровка. — Сита поняла, что взбучки не предвидится, приблизилась и уложила морду ему на колени. Он, почесывая собаку возле ушей, ласково лепетал: — Хорошая моя. Славная девочка...

В это время сверху медленно, в раздумье, спускалась жена сына Валентина. Хорошая женщина, но с претензиями. Десять лет назад он уговорил Ярослава жениться на ней. Деньги должны воссоединяться с деньгами, затем приумножаться умными головами, а все остальное — любовь, дети, — дело наживное. Однако что-то в их отношениях не ладилось, это тщательно скрывалось от главы семьи, то есть от Марлена Петровича. По его мнению, у современных дам слишком много амбиций, претензий, гонора, но мало в них женского. Да-да, того самого — мягкого, доброго, нежного, чуткого...

Валентина взяла в баре стакан и налила

12 туда... водки! И выпила залпом полстакана!

Марлен Петрович искоса следил за ней, не выразив своего «фе», а он не терпел, когда баба прикладывается к бутылке. Она это знала, но осмелилась выпить при нем. Тоже протест. И ярко выраженный. «Что происходит?» — задумался он.

Валентина налила еще, уселась на диван, закурила. Марлен Петрович снова почувствовал, что ее не надо ни о чем расспрашивать. Она пришла сюда, зная, что после поездок он любит посидеть у камина один, следовательно, сама все выложит. И где-то внутри уже обозначилась тема разговора, кто-кто, а старики — люди чуткие. Он не ошибся, прошла минута-другая, и Валентина без предисловий сказала:

— Ярослав мне изменяет.

Ах, вот в чем дело. Про себя Марлен Петрович усмехнулся: нашла с чем обращаться к нему, будто в его обязанности входит держать сына на поводке.

— Откуда такие выводы? — поинтересовался он, однако не потому, что Валентина была обижена, ему хотелось знать, какие подводные течения существуют за его спиной.

— Это же видно. Во время вашего отсутствия он не ночевал дома. И не соизволил объяснить, где был.

— Значит, ты плохая жена.

Жестокую фразу он бросил вялым тоном, давая невестке понять, что свои проблемы она должна решать сама. Но подвыпившая Валентина обнаглела:

— Я плохая?! Ха-ха...

Смешок у нее вырвался истерический и злой, видать, нарыв созрел. Марлен Петрович по-своему жалел ее, как дуру, поэтому жестко сказал:

— Да, ты. Ты виновата в том, что он не спит с тобой.

Несправедливость обычно вызывает две реакции у жертвы, на которую направлена: либо парализует, и под ее гнетом смиряешься, либо

порождает бунт. Валентина взбунтовалась и то негодование, ту обиду, которые предназначались мужу, вывалила на свекра:

— Он такой же черствый, как вы. Я что — безобразная, горбатая, кривая? А может, старая? Что во мне не так? — Демонстрируя себя, она прошлась по гостиной. — Почему же ваш сын ведет себя по-скотски? Почему я должна закрывать на происходящее глаза и делать вид, что ничего не понимаю? Только ради детей? А мне куда деться? Я чужая в этом доме...

— В этом тоже есть твоя вина, — сказал он мягко, насколько смог.

Марлен Петрович считал, что имеет право говорить правду, а она не всегда уместна. Валентина расплакалась, выпила водки и нервно чиркала зажигалкой, но, не прикурив, кинула сигарету в пепельницу. Прикрыв пальцами рот, Валентина говорила уже не свекру, а себе:

— Мне надоело. Я устала. И мне очень плохо. Пора ставить на этом точку.

И побежала вверх по лестнице.

— Стой, — сказал Марлен Петрович, не повышая голоса. Но его слово, произнесенное даже тихим тоном, в этом доме имело вес. Валентина задержалась на лестнице, не повернувшись к свекру лицом. — Я поговорю с Ярославом.

Она убежала, а он перевел взгляд на огонь. Собака лежала у его ног, давая живое тепло, и не спала, а вопросительно (именно вопросительно и немного беспокойно) глядела на него, словно понимала, что не только разлад в семье сына огорчил хозяина. Да, не только. Марлен Петрович душой все еще находился в самолете и видел не старуху, а молодую Маргариту. Но он никому не расскажет, что их связало и разделило, потому что

не найдет ни сочувствия, ни жалости. А Сита, это бессловесное животное, способна сопере-

живать ему без объяснений. С кем еще он может поделиться своими переживаниями? Ни с кем. Марлен Петрович механически набрал номер на сотовом телефоне, после чего снова перенесся мыслями в самолет. Случайная встреча с Маргаритой разбредила душу, вернула его в прошлое...

— Вы звали?

Марлен Петрович очнулся, увидев перед собой секретаря, или как там сегодня называют прислугу по личным вопросам? И вспомнил, зачем вызвал парня:

— Узнай, кто любовница моего сына.

— Хорошо.

Другого ответа он не ждал. Марлен Петрович устался на огонь, пустившись в путешествие в юность...

Только после позднего обеда Маргарита Назаровна ушла к себе, сославшись на банальную причину — головную боль. Наконец она получила возможность остаться со своими тревогами наедине. В сущности, эти тревоги — не что иное, как все та же память, всколыхнувшая такое, о чем не хотелось бы вспоминать. Но прошло очень много лет, годы превратили Марлена в рухлядь, Маргарита Назаровна тоже недалеко от него отстала, они оба отжили свой век. Но те, кто жил до них, непонятным образом связали потомков. Все-таки странно: почему Марлен жив?

Она легла на кровать и мысленно пустилась в путешествие в юность...

1920 год, Кубань

— *Комиссар! Комиссар!*

Силантий Фомич оглянулся. К нему во весь опор, разгоняя случайно не перебитых кур, скакал Яуров.

Комиссар еще издали приметил, что всадник 15